

Н.И. Кареев и казанские социологи

Мягков Г.П.

Доктор исторических наук, профессор исторического факультета Казанского государственного университета

Филимонов В.А.

Кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Сыктывкарского государственного университета

Статья посвящена анализу взаимоотношений выдающегося российского историка и социолога, профессора Варшавского и Петербургского университетов, члена-корреспондента Краковской и Петербургской Академии наук, почетного члена АН СССР Николая Ивановича Кареева (1850–1931) с социологами Казанского университета. Авторы анализируют оценки, данные Н.И. Кареевым в разное время работам казанских социологов, позволяющие как увидеть черты становления социологии в Казани, так и уточнить тенденции развития российской социологической науки в целом.

Коммуникативное пространство выдающегося российского историка и социолога Николая Ивановича Кареева (1850-1931) представляется поистине необозримым как по субъектам, так и по типам связей (личное знакомство, принадлежность к той или иной профессиональной, научной, общественной, политической или мировоззренческой корпорации, переписка, рецензирование, цитирование и т.д.). Будучи многоплановым исследователем, он внес ценный вклад в развитие целого ряда гуманитарных наук, в том числе социологии, выступив не только исследователем как практикующий социолог, но и предпринял, по определению И.А. Голосенко, «попытку воссоздать глобальную картину генезиса русской социологии в виде национальной ветви мировой социоло-

гии» [1, с. 7]. И не случайно Н.И. Кареев, по его собственным словам, «пристально следил за движением русской социологической мысли с появления самых первых работ» [2, с. XIV], причем не только в столицах, но и в провинции. Нашей задачей является выявить оценки Н.И. Кареева, данные им в разное время работам казанских социологов, реконструировать картину взаимоотношений между Кареевым-социологом и его казанскими коллегами, а также, по возможности, представить малоизвестные биографические сведения о коммуникантах Кареева, многие из которых оказались незаслуженно забытыми.

В известном смысле, наличие или отсутствие в наследии Н.И. Кареева, явившегося не только одним из зачинателей российской социологии,

но и ее первым историком, сюжетов, посвященным творчеству тех или иных ученых, оценке их трудов, может рассматриваться как критерий, свидетельствующий об успехах процесса институализации и степени развитости социологической науки в тех или иных регионах и научных центрах. Данный тезис актуализируется тем, что изучение истории становления социологии в Казани, являвшейся признанным университетским центром России, ученые которого прокладывали пути многим наукам, по сути, только начинается [см.: 3, 4].

Институализация социологии в Казани не выделялась чем-то особенным из общего процесса развития российской социологии и связана была с индивидуальными творческими усилиями ученых. Она протекала, хотя и в весьма замедленном виде, по общей модели: появление и включение ряда ученых в исследовательский процесс, получавший выражение в различного рода научных публикациях, введение новой науки в той или иной форме в систему образования и создание центров «кристаллизации» – различного рода собственно институтов (кафедр, журналов, научных обществ и т.д.), функционирование которых выражает и стимулирует процесс складывания научных коммуникаций, в том числе научных школ.

Первыми собственно социологическими исследованиями, выполненными в Казанском университете, признаются работы В.В. Ивановского (1854-1926), его магистерская [«Опыт изучения деятельности органов земского самоуправления в России» (1881)] и докторская [«Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии в отношении сравнительного участия в ней различных общественных классов» (1886)] диссертации. Появление работ казанского юриста совпало с выступлением наиболее ярких, по определению Н.И. Кареева, представителей «социологического направления в русской юридической мысли» «профессоров права» Московского университета М.М. Ковалевского и С.А. Муромцева (1, с. 111–112), и с этого времени – рубежа 70–80-х годов XIX в. – начался новый период преподавания «на наших юридических факультетах», отмеченный тенденцией изучения права как социологического явления. В.В. Ивановский

в числе первых информировал российского читателя о развитии социологии за рубежом, опубликовав, в частности, в 1896 г. в «Русской мысли» (№ 12) большую статью «Социология, как наука и как предмет преподавания во Франции». Свое место ученого, пролагавшего пути социологии политики в России, В.В. Ивановский закрепил такими работами как «Вопросы государственного права» (1899), «Бюрократия, как самостоятельный общественный класс» (1903), «Учебник государственного права» (1908) и др.

На рубеже 80-х – 90-х годов XIX в. в Казани издаются переведенные на русский язык произведения Г. Тарда, Р. Вормса, публикуются научные очерки последовательного сторонника идей О. Конта, журналиста Н.В. Рейнгардта (1842–?). Он своими работами, в том числе опубликованными под псевдонимом «Позитивист», убеждал читателей в существовании науки социологии, обладавшей «методами и законами, которые объясняют социальные явления», включался в будоражившие формирующуюся социологическую науку России споры о субъективном методе.

Путь к социологии Г.Ф. Шершеневича (1863-1912), известного цивилиста, выпускника (1885), а впоследствии преподавателя юридического факультета Казанского университета (1888-1905, с 1895 г. профессора) также был связан с обращением к феномену власти – одной из центральных тем русской социологии: его книги «Наука гражданского права в России» (1893), «Определение понятия о праве» (1896), «История философии права» (1904) отнесены к социологическим публикациям (см.: 4, с. 62, 71, 107, 150, 159). К числу заслуг ученого принадлежит подготовка курса лекций «Социология» (см.: 4, с. 144), изданного уже после того, как он покинул Казанский университет и преподавал в московских вузах, в том числе социологию в Народном университете им. А.Л. Шанявского.

В 1906 г. состоялось личное знакомство Н.И. Кареева и Г.Ф. Шершеневича. Оба ученых были избраны депутатами I Государственной думы по списку кадетской партии, соответственно от Петербурга и от Казани. Изучение творчества казанского профессора позволило Н.И. Карееву поставить его в один ряд с теми

русскими юристами, которые примкнули к социологическому направлению [1, с. 136-137].

Оценка Кареевым социологических воззрений Г.Ф. Шершеневича, данная в «Основах русской социологии», показательна: ему явно импонирует присущее казанскому ученому «хорошее знакомство с общей социологической литературой», позитивное отношение к «социологической инициативе» Муромцева, понимание под социологией «не суммы социальных наук, а науки, изучающей “взаимодействие разных сторон общественной жизни, изучаемых отдельными социальными науками” и раскрывающей “законы общественной жизни в ее целом”» (там же), места ее в системе наук, методологические позиции Шершеневича, сформулированные им в книге «Задачи и методы гражданского правоведения» (1898). Кареев считает необходимым представить изложенную в популярной книге «Общее учение о праве и государстве» (1908) позицию Шершеневича об «общих» задачах естествознания и обществоведения («познание и объяснение») и о его понимании специфики последних, проявляющейся в наличии «третьей задачи» – оценке «правил общежития, которые действуют в жизни» [1, с. 137].

Сразу после выхода лекций Шершеневича «Социология» Кареев откликнулся на это пионерское издание рецензией [см.: 6]. Он с одобрением отнесся к изданию: «Цель автора дать общее понятие о социологии, заинтересовать ее проблемами, можно считать достигнутой». Карееву импонируют «систематичность построения и ясность изложения (при всей его сжатости)», доступность книги «широкому кругу читателей». Подчеркивая учебный характер книги, Кареев замечает, что автор «не стремится к установлению каких-либо новых социологических взглядов», и это обеспечивает более объективное «его отношение к разным направлениям социологии и их представителям».

Становление социологии в Казани отразило и другую особенность движения общественно-мыслительской мысли России к ее созданию, отмеченную Кареевым. Юристов – полагал он – к социологии вела близость изучаемых ими наук к чисто социологическим вопросам, их нацеленность искать закономерности развития;

близость же к социологии «по своему объекту» другой науки – истории – создавала базу формирования пионеров новой науки и среди историков [1, с. 104]. Справедливо сетуя на то, что среди отечественных историков «было гораздо меньше, чем среди юристов, [тех,] которые придавали социологии большую цену», и что большинство из них «отнеслись к проблеме социологии с большим или меньшим равнодушием», Кареев в «Истории русской социологии» называет имена 12 историков, в той или иной мере разрабатывавших проблемы социологии. В их числе был указан и В.К. Пискорский (1867-1910) – один из самых талантливых историков, работавших в Казанском университете (с 1906 г. и до конца жизни), европейски известный специалист в области истории средневековой Испании [7, с. 65-81; 8, с. 50-55].

Н.И. Кареев знал В.К. Пискорского как ученика своего друга и единомышленника профессора университета св. Владимира И.В. Лучицкого, как выдающегося исследователя, заложившего основы российской испанистики. В 1906 г. в третьем дополнительном томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, Н.И. Кареев поместил свою статью о В.К. Пискорском [см.: 9, с. 412–413]. В ней, в частности, перечисляются основные труды Пискорского [в том числе изданная в редактируемой Н.И. Кареевым и И.В. Лучицким коллекции «История Европы по эпохам и странам» «История Испании и Португалии» (СПб., 1902, 2-е доп. изд., СПб., 1909)], а также говорится о переходе его в Казанский университет. Кареев обратил внимание, что Пискорскому «принадлежит также ряд статей в настоящем Словаре», так как будучи редактором исторического отдела, именно Кареев подбирал авторов, вел переписку относительно объема и сроков публикаций. Эта работа способствовала установлению деловых отношений между учеными. По приблизительным подсчетам, В.К. Пискорский написал более 30 статей для «Словаря», в том числе «Кастилия», «Каталония», «Инквизиция в римско-католической церкви», «Фуэросы», «Ферруччи» и др. О деловых отношениях, установившихся между учеными, свидетельствует одно из немногих дошедших до нас писем Пискорского от 17 мая 1910 г., в котором он просил Кареева как редак-

тора договориться с издателем И.А. Ефроном о скорейшей выплате гонорара за 2-е издание «Истории Испании Португалии».

Определяя место В.К. Пискорского в становлении социологии в России, Кареев в своем труде по истории русской социологии обращается к ставшей известной современникам его лекции «О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории», прочитанной ученым при вступлении на профессорскую кафедру в Казанском университете 3 октября 1906 г. Кареев выделил тот фрагмент лекции, в котором автор констатировал новую ситуацию в науке, когда указал, что «на это новое поле [социологических – Г.М., В.Ф.] исследований, за поисками новых истин» устремилась, кроме серьезных исследователей, масса дилетантов, авторов множества работ по социологии, «в которых часто тщеславие их авторов далеко не оправдывалось научной ценностью их произведений» [1, с. 174]. Пискорский, подчеркивая Кареев, признает «за самим социологическим движением серьезную основу», протестуя вместе с тем против отрицания социологами «права за историей называться наукой, которая занимается только общим». Принимая тезис, что нужна и социология, и история, цитируя положение казанского историка, что «историк, отводящий в своих исследованиях главное место социальным явлениям, этим самым служит социологу, и, наоборот, социология помогает историку в отыскании причин различных общественных явлений», Кареев констатирует, что при этом у Пискорского «было очень неопределенное понятие о том, чем же занимается настоящая социология, о ее отличии от философии истории, от социальной психологии и от “науки о нравах”» [1, с. 175].

В своем анализе судеб новой науки Н.И. Кареев подчеркивал «большое значение для социологии в России» роли революций начала XX века [1, с. 243]. Первая из них – 1905-1907 годов – имела в числе своих последствий то, что даже «несмотря на начавшуюся скоро реакцию, положение науки и печати сделалось более свободным», что началась реализация задачи преподавания социологии, вопрос о котором «уже давно назревал» [1, с. 242]. Значение революции 1917 года Н.И. Кареев оценивал как «не-

измеримо более важное» [1, с. 243; разумеется, здесь надо учитывать влияние на позицию ученого современности], подчеркивая, что характерной чертой открытого ею периода стало развитие марксистской социологии. Октябрьская революция 1917 г. совершилась под знаменем марксизма, и этот факт – «фактическая победа теории на политическом поприще» – «для многих», по мнению ученого, получил значение «подтверждения её верности» [1, с. 287].

Революция изменила «внешние условия», в которых стала развиваться наука. В числе таких Кареев называет приобретение марксизмом положения государственного учения и бурный процесс институционализации, выразившийся в росте потока социологической литературы, появлении многочисленных журналов, развитии «социологического преподавания», породившего множество «кратких учебников и пособий хрестоматийного характера» [1, с. 287]. И действительно. Сам Н.И. Кареев указывает на изданные в 1917-1921 годы пособия Н. Карева, В.М. Хвостова, К.М. Тахтарева, С.И. Солнцева, П. Мокиевского, Е.А. Энгеля [см.: 1, с. 347, 348].

Особое внимание Н.И. Кареев обратил на изданное в Казани в Государственном издательстве в 1920 г. пособие «Социология. Курс-справочник для второй ступени трудовой школы, рабочих университетов и самообразования, составленный по лабораторно-трудовому методу, с приложением вопросов, задач, тем для рефератов, таблиц и библиографии» [10]. Его авторами были С.В. Фарфоровский (1878–1938) и И.П. Кочергин (1884–?). Известно о первом из них немного. С Казанью С.В. Фарфоровский был связан косвенно. Здесь были опубликованы несколько его работ, в том числе написанные в соавторстве с И.П. Кочергиным [см.: 11; 12; 13], но отнюдь не по социологии. И.П. Кочергин окончил Вторую казанскую гимназию, в 1904 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, в сентябре 1905 перевелся на историко-филологический факультет, в 1908 г. был исключен из университета. Как близкий к большевикам находился под негласным надзором полиции. Будучи по профессии филологом, в 1908 г. стал редактором газеты «Поволжский край», на страницах которой им публиковались материалы антиправительствен-

ного содержания. В 1910 г. газета была закрыта. В том же году восстановился на 2 курсе историко-филологического факультета, где учился до апреля 1911 г. и был вновь исключен за то, что не внес плату за обучение [см.: 15, т. 2. стр. 613]. Стоял у истоков возникшего незадолго до Первой мировой войны в Казани издательства «Молодые силы», которое приступило к изданию «Исторической библиотеки». В ней вышли под редакцией И.П. Кочергина подвергнутые в свое время цензурным гонениям две книги русского этнографа и историка И.Г. Прыжова (1827-1885) «Нищие на Святой Руси» (Казань, 1913) и «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (Казань, 1914), «Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым» (Казань, 1914).

На «курс-справочник» С.В. Фарфоровского и И.П. Кочергина, повторим, авторов, не имевших до того никакого отношения к социологической науке и к сообществу русских социологов, Н.И. Кареев сразу же откликнулся развернутой рецензией [16]. Значение ее интересно тем, что ни от современники, ни от исследователей не ускользнуло, что книга С.В. Фарфоровского и И.П. Кочергина было «первым в России пособием по социологии, составленным в соответствии с программой Комиссариата Народного Просвещения» [3].

Подчеркивая единство замысла издать серию «органически согласованных между собой» (определение С.В. Фарфоровского и И.П. Кочергина) учебных пособий [см.: 10; 11; 12], Кареев фиксирует прежде всего «бросающуюся в глаза» «некоторую спешность их написания» – все три написаны в течение года, «неудобочитаемость» и «несогласованность в содержании самой «Социологии»» [10, с. 83]. Объяснение последнему он видит в «двойном авторстве». Публикация в профессиональном журнале «Педагогическая мысль», по мнению Кареева, обязывала его как рецензента особое внимание уделить не столько «научной стороне» излагаемой в курсе «известной системы» (ее он оставляет «без анализа»), но разобрать достоинства и недостатки как учебного пособия. Кареев делает выводы, что «научная позиция, занятая авторами, отличается неясностью» (с. 84), «расплывчатости мысли... Ф. и К.

соответствует и неясность изложения» (с. 85), и доказывает, что пособие явно не отвечает ни уровню развития науки, ни педагогическим требованиям (он подчеркивает непродуманный подбор литературы, отсутствие методических указаний, где и с чем следует ознакомиться и т.п.). Но, пожалуй, главным в рецензии выступает желание Кареева дать бой авторам пособия на поле методологии. Стремление С.В. Фарфоровского и И.П. Кочергина положить в основу пособия одно «основоположное» направление – «учение Маркса», дающее как они считают, «синтетическое объяснение всех социальных явлений» [10, с. 24], Кареев характеризует как «большой догматизм». Его возмущает, что авторы, выдвигая те или иные положения, «или не аргументируют, а декретируют, или отделяются, вместо доказательств, ... примерами» [с. 84]. Завершая рецензию и отвечая на вопрос, почему «произошло» такое пособие, Кареев вновь указывает на «излишнюю торопливость», а главную причину, полагаем, видит в «слабой подготовленности к специальной работе» авторов (с. 87).

С.В. Фарфоровский попытался полемизировать с Кареевым, предложив редакции журнала опубликовать «несколько фактических поправок» к его рецензии [17] и сделав упор на том факте, что Кареев не знаком с программой Наркомпроса, реализацией которой и было пособие, повторившее формулировки программы. Н.И. Кареев в своем ответе [18] жестко отверг предположения Фарфоровского о «неверной передаче» мыслей соавторов, о непонимании характера «Социологии» как «курса-справочника», и вновь подчеркнул, что его и авторов «Социологии» разделяют методологические позиции: Кареев не приемлет «догматизм авторов», «чисто догматическое отношение к авторитетам» и вновь подчеркивает отсутствие в книге «внутреннего единства»: не признавая «удовлетворительным ни одно из существующих направлений», Фарфоровский и Кочергин тем не менее «одно из них кладут в основу книги, как вполне всесторонне верное» [с. 116]. Редакция посчитала дальнейшую дискуссию не интересной для читателей, поскольку в ней «обсуждаемые вопросы имеют слишком специальный характер» [там же].

Тем не мене к вопросу о месте «Социологии» С. Фафоровского и И.П. Кочергина Кареев вернулся еще раз: ссылаясь именно на эту книгу и цитируя рассуждения соавторов о социологии как о «синтезе общественно-историко-экономических и естественно-исторических данных» [1, с. 288], он демонстрирует произошедшую в 1920-х гг. подмену социологии обществоведением. «Теперь, – писал он, – стало вырабатываться, так сказать, общее учение, отклонения от которого рассматривались как отступления от чистой, основной, главной руководящей линии, как разные уклоны в сторону старых социологических теорий. Этим создавалась единая социологическая ортодоксия, и отнесение к буржуазности сделалось обычным полемическим приемом в критике всего, что стало квалифицироваться как буржуазное и эклектическое» [1, с. 289].

Прогресс в развитии «социологического преподавания» в Казанском университете оказался связанным с открытием в 1919 г. факультета общественных наук, когда для студентов всех трех его отделений – исторического, экономического и юридика-политического – стала читаться признанная учебной дисциплиной социология [см.: 3]. Тогда же, в начале 20-х годов, молодыми преподавателями и студентами ФОНа была создана «Ассоциация для изучения общественных наук при высших учебных заведениях г. Казани» [см.: 19, с. 283-284]. Это была, по словам М.Н. Покровского «совершенно свободная, никем никогда не разрешавшаяся и нигде не зарегистрированная “Ассоциация...”». Одним из инициаторов ее создания стал студент ФОНа А.Р. Лурия, которому удалось организовать печатание в университетской типографии в 1921-1922 гг. сборников Ассоциации. Всего было выпущено два тома. Первый состоял из пяти выпусков: вып. 1: Кругликов П.И. В поисках живого человека: Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе; вып. 2: Сотонин К.И. Темпераменты. Проблемы и гипотезы; вып. 3: Первушин Н.В. Наука социология; вып. 4: Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки; вып. 5: Брентано Л. Опыт теории потребностей. Во втором томе удалось издать два выпуска: вып. 1. Первушин Н.В. Робертус и Бюхер. Один из неисследованных

вопросов развития историко-экономической мысли; вып. 2: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Издания Ассоциации привлекли внимание научной общественности. Наиболее яркое тому свидетельство – идеологические «бои» вокруг брошюры Р.Ю. Виппера [см.: 20].

Н.И. Кареев откликнулся рецензиями на работы П.И. Кругликова [21], Н.В. Первушина [22], Р.Ю. Виппера [23]. На работу М.В. Нечкиной, ставшей первой публикацией будущего академика, он ссылается в своих «Основах русской социологии» [см.: 1, с. 350, прим. 22]. Пожалуй, нельзя пройти мимо одного факта, невольно проявившего формировавшиеся в эти годы революционного перелома отношения представителей разных поколений к творчеству друг друга. Умудренный опытом Н.И. Кареев готов приветствовать творческий порыв: обращаясь к открывшей серию работе П.И. Кругликова, он пишет: «Брошюра, в которой совершаются поиски живого человека, и написана также живым человеком для живых людей и должна быть рекомендована читателям, чувствующим и сознающим себя живыми людьми, как явление очень симпатичное» [21, с. 69]. В то же самое время вступающий на стезю науки талантливый ученый, по ее собственным словам, настоящий автор идеи создания Ассоциации Общественных наук, участник первого заседания кружка «текущих мыслей» М.В. Нечкина записала 8 января 1921 года в своем дневнике: «Читаю Кареева о крестьянской войне. Страшно не люблю Кареева...» [24, с. 64]. Наступало новое время, которое разделяло не только поколения, но и разрывало их. И если Милица Нечкина (1899–1985) в Казани формировала, по словам Е.Л. Рудницкой «абсолютную приверженность в последующие годы марксизму-ленинизму» [цит. по: 24, с. 9], то путь Николая Первушина (1899-1993), автора «Науки социологии», был ближе к тому, что проходили П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев и др., вынужденные покинуть родину.

Таким образом, выдающийся русский ученый Кареев, выступая в качестве историографа российской социологии, уделял внимание не только столичным, но и провинциальным исследователям, в том числе казанским. Анализ

оценок, данных мэтром отечественной гуманитарии, дает возможность не только выявить неизвестные ранее стороны становления социологии в Казани, но и проследить процесс ее преемственности, что, в свою очередь, позволяет в той или иной мере уточнить тенденции развития российской социологической науки в целом.

Литература

1. Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подготовка текста, вступит. ст., комментарии И.А. Голосенко. – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, СПб., 1996. – 368 с.
2. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1897. – 418 с.
3. Ясавеев И.Г. Истоки социологии в Казани // ОКНО (Общество, культура, народное образование). Информационный бюллетень организации преподавателей социальных наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ksu.ru/f13/k3/okno/p7.htm>
4. Нигматуллин А.Р. Политико-правовые взгляды и социологическая концепция В.В. Иванова. Автореф. дис. ... канд ист. наук. – Казань, 2006.
5. Голосенко И.А. Социологическая литература России второй половины XIX – начала XX века. Библиографический указатель. – М.: Онега, 1995. – 224 с.
6. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Шершеневич Г.Ф. Социология. М., 1910 // Русские ведомости. – 1910. – № 165.
7. Ханина А.З. В.К. Пискорский (К 100-летию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. – Вып. 3. – Казань, 1968.
8. Ягудин Б.М. Н.А. Осокин и становление казанской школы всеобщих историков. – Казань, 1998. – 226 с.
9. Н.К. [Кареев Н.И.] Пискорский Владимир Константинович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1906. – Т. 3 (дополнительный). – С. 412–413.
10. Фарфоровский С.В., Кочергин И.П. Социология. Курс-справочник для второй ступени трудовой школы, рабочих университетов и самообразования, составленный по лабораторно-трудовому методу, с приложением вопросов, задач, тем для рефератов, таблиц и библиографии. – Казань: Госуд. изд-во, 1920.
11. Фарфоровский С.В., Кочергин И.П. История труда. Курс-справочник для второй ступени трудовой школы, рабочих университетов и самообразования. – Казань, 1920.
12. Фарфоровский С.В., Кочергин И.П. История материальной культуры. Курс-справочник для первой ступени трудовой школы, рабочих ун-тов и самообразования. – Казань, 1920.
13. Фарфоровский С.В., Кочергин И.П. История материальной культуры, как предмет преподавания в реформированной трудовой школе. – Казань, 1921.
14. Сайт «История образования в Великом Новгороде» // <http://museum.novsu.ac.ru/body.php?char=people&sub=67> без указания публикации и источника информации.
15. Казанский университет, 1804–2004: Биобиблиогр. словарь. Т. 1–3. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – Т. 2: 1905–2004 (А–М).
16. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Фарфоровский С.В., Кочергин И.П. Социология. Курс-справочник для второй ступени трудовой школы рабочих университетов и самообразования (Казань, 1920) // Педагогическая мысль. – 1921. – № 1–4. – С. 83–87.
17. Фарфоровский С.В. Письмо в редакцию // Педагогическая мысль. – 1921. – № 5–8. – С. 115.
18. Кареев Н.И. По поводу предыдущего письма // Педагогическая мысль. – 1921. – № 5–8. – С. 115–116.
19. Бикташева А.Н. Становление советского университета // История Казанского университета. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – С. 280–307.
20. Мягков Г.П. Наставница в роли ученицы. Теоретические исследования Р.Ю. Виппера в координатах науки и идеологии // Рубеж. Альманах социальных исследований. – Вып. 5. – Сыктывкар, 1994. – С. 59–68.

21. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Кругликов П.И. В поисках живого человека // Педагогическая мысль. – 1922. – № 1–2. – С. 68–69.
22. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Первушин Н.В. Наука социология. Казань, 1921 // Педагогическая мысль. – 1922. – № 5–6. – С. 95–98.
23. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Виппера Р.Ю. Кризис исторической науки // Педагогическая мысль. – 1922. – № 3–4. – С. 81–82.
24. Дневники М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / вступит. ст., комментарии и подготовка текста к публикации А.Н. Бикташевой. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – 108 с.

N.I. Kareev and Kazan sociologists

The article analyzes the interrelations between an outstanding Russian historian and sociologist, professor of Warsaw and St. Petersburg Universities, corresponding member of Krakow and St. Petersburg Academy of Sciences, honorary member of AS USSR Nikolay Kareev (1850-1931) and sociologists of Kazan University. The authors of the article analyze the estimates given at different times by N. Kareev to the scientific works of Kazan sociologists that give an opportunity to trace the features of sociology establishment in Kazan and to specify the tendencies of Russian sociology development if general.

